

ДИСКУССИЯ О ФИЛОЛОГИИ В ЖУРНАЛЕ «DAS ALTERTUM»

Журнал «Das Altertum» считает необходимым знакомить своих читателей с тем, как в наши дни разрабатывается и осваивается наследие античности. Поэтому в нем систематически появляются среди прочих статьи об общем состоянии и задачах науки о древности¹ и всегда можно встретить статьи о преподавании древних языков в университете и школе². Это направление в работе журнала прослеживается с первого номера³. В последние годы здесь развертывается дискуссия об античности и современности, но и на страницах томов предшествующих лет время от времени вспыхивала научная полемика.

¹ См., например, S. U t t s c h e n k o, Über die althistorische Forschung in der Sowjetunion, «Das Altertum», 2, 1956, стр. 3—7; J. M a l y e, Die Association Guillaume Budé, там же, 5, 1959, стр. 242—248; J. I r m s c h e r, Altertumswissenschaftliche Arbeit und allgemeine Bildung, там же, 6, 1960, стр. 121—126; M. L e r o u, Über den heutigen Stand der Sprachwissenschaft, там же, стр. 195—204; R. G ü n t h e r, Altertumswissenschaft im sozialistischen Deutschland, там же, 8, 1962, стр. 251—256; J. W o l s k i, Neuere Ergebnisse und Entwicklungen der althistorischen Forschung in Volkspolen, там же, 10, 1964, стр. 173—182; N. M a ř a n i ć, Klassische Philologie in Kroatien von 1853 bis heute, там же, 12, 1966, стр. 51—64.

² Ср., к примеру, нижеследующие статьи: J. L. L e s e r c l e, Zur Stellung der alten Sprachen in einer demokratischen Schulreform. Betrachtungen eines französischen Kommunisten, «Das Altertum», 2, 1956, стр. 185—192; L. H u c h t h a u s e n, Lexikalisches Minimum und Anordnung des grammatischen Stoffes im Lateinunterricht, там же, 9, 1963, стр. 181—192; F. P l a g e m a n n, Fragen der Methodik des altsprachlichen Unterrichts in Westdeutschland, там же, 10, 1964, стр. 182—192; J. I r m s c h e r, Zur Lage des altsprachlichen Unterrichts in der Deutschen Demokratischen Republik, там же, стр. 249—256; G. W a l t e r, Africa antiqua im Lateinunterricht? Gedanken und Erfahrungen zu einem aktuellen Stoffkomplex, там же, 11, 1965, стр. 186—192.

³ Ср. F. D ö l g e r, Aufgaben der byzantinischen Philologie von heute, «Das Altertum», 1, 1955, стр. 44—58; A. S a l a č, Das Kabinett der griechischen, römischen und lateinischen Studien bei der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften zu Prag, там же, стр. 58—59; W. H a r t k e, Grundsätzliches zur Methode des altsprachlichen Unterrichts in der Deutschen Demokratischen Republik, там же, стр. 60—64.

Вопрос о том, что нового может сказать нам Платон сегодня, стал подосновой оживленного обсуждения, которое с 1964 г. ведется в ряде статей и до сих пор еще не нашло завершения⁴. В ходе этого обсуждения платоновская философия рассматривалась, исходя из различных позиций и под разными углами зрения. В какой мере Платон был идеологом рабовладельческой аристократии — эта постановка вопроса оказалась главным предметом спора, в ходе которого речь заходила и о том, какую относительную прогрессивность (особенно в рабском вопросе) нужно признать за афинским философом. Кроме того, в обсуждении затрагивались, — чтобы указать только на отдельные стороны обсуждения, — проблема истины и точка зрения Платона на образовательные привилегии. Не было недостатка и в попытках показать отношение Платона к науке, прежде всего к математике и естествознанию. В этом контексте могли быть протянуты связующие нити между платоновской теорией элементарных частиц и современной атомной теорией. Наконец, были показаны, кроме старых и новых методов датировки платоновских диалогов, методологические основы для марксистского понимания Платона. Эта серия статей не только содействовала расширению наших знаний о Платоне, стало ясным и значение этого мыслителя для социалистической современности.

Рядом со спором о Платоне развертывалась и вторая дискуссия, обращенная на всю данную область науки — филологию, причем в самом широком понимании этого слова. В дальнейшем изложении этого слова. В дальнейшем изложении этого слова. В дальнейшем изложении этого слова. Хотя мы, таким образом, ограничиваем себя рамками статей, появившихся в «Das Altertum», тем

⁴ Ср. R. S c h o t t l a e n d e r, Der Streit um Platon, «Das Altertum», 10, 1964, стр. 142—154; G. M e n d e, Zum «Streit um Platon», там же, стр. 230—234; D. K ö v e n d i, Zum Problem der Platonischen Ideenlehre, там же, 11, 1965, стр. 24—36; A. D i a z T e j e r a, Die Chronologie der Dialoge Platons, там же, стр. 79—86; E. S c h w a r z k o p f, Kritische Anmerkung zum Streit um Platon, там же, стр. 137—143; D. K ö v e n d i, Reflexionen zum Streit um Platon, там же, 12, 1966, стр. 15—17. Спорные вопросы, связанные с произведениями журнала уже затрагивались на страницах журнала уже несколько лет назад. Ср. H. R a n f t, Platons Grundsätze der Auslese, там же, 6, 1960, стр. 149—152; K.-H. A r n o l d, Zu Platons Grundsätzen und seinem Staat, там же, 7, 1961, стр. 19—24. Ср. также J. I r m s c h e r, Die Platon-Briefe, там же, стр. 137—146.

не менее нельзя не отметить, что и в других местах по-прежнему появляются попытки по-новому определить место классического наследия и уяснить положение классической филологии⁵. Этим стремлениям в немалой мере отвечал и Международный конгресс «Antiquitas Graeco-Romana aс tempora nostra», состоявшийся в Брно 12—16 апреля 1966 г.⁶

Вернемся, однако, к «Das Altertum». Как в дебатах о Платоне, так и в дискуссии о филологии на честь первого шага может притязать профессор Рудольф Шотлендер (Берлин). Он выполнил смелый своеобразно-филологический наступательный маневр, опубликовав статью «К новому определению „классической“ филологии»⁷, чтобы защитить право этой науки на существование.

Как констатирует Р. Шотлендер, недостает «слова, которое охватывало бы все типы познающего и исследующего образа действий» (стр. 125). С этого он начинает изложение своей концепции. Греко-римская литература «отмечена отличительной печатью» «богатого многообразия взаимосвязанных в своих корнях типов созерцательного и мыслительного погружения в предмет» (там же). Эта созерцательность показана на ярких примерах. Таков, прежде всего, Одиссей, «образец для всех „интеллектуалов“», наделенный одинаково острым чувственным восприятием и рассудочным мышлением, упорно думающий о цели и сообразительно находящий средства для ее достижения, к тому же «проницательно различающий» «побуждения и мотивы чужого поведения» (там же). Хотя Р. Шотлендер видит Одиссея «еще вполне ограниченным сферой практической находчивости», он, однако, уже приписывает ему и «зататки позднейшего теоретика» (там же). Такое качество эпического героя, как умение, ясно увидев и глубоко вникнув, достичь понимания, составляет «отличительную черту» в сравнении с соответствующими творениями других народов.

Точно так же и в образе бога Аполлона автор видит обрисованный здесь характер.

⁵ Ср., например, «Das Erbe der Antike», Zürich — Stuttgart, 1963; U. Hölscher, Die Chance des Unbehagens. Drei Essays zur Situation der klassischen Studien, Göttingen, 1965. Ср. также С. И. Радциг, Введение в классическую филологию, М., 1965.

⁶ Труды Конгресса намечено издать в 1967 г. Ср. также «Report of the Colloquium on the Classics in Education 1965», ed. by G. F. Else for the American Council of Learned Societies, published January 1966 (коллоквиум состоялся в Лондоне 19—22 августа 1965 г.).

⁷ R. Schottlander, Zur Neubestimmung des Begriffs der «klassischen» Philologie, «Das Altertum», 11, 1965, стр. 124—128.

Сущность этого бога — всеведенье, в то время как его более древние атрибуты становятся «средствами развертывания сверхчеловеческой способности к познанию» (там же). В этом развитии раскрывается «высокая оценка чистого видения, воображения и мышления, до тех пор беспримерная» (стр. 126).

Это характерное для греков жизнеотношение нашло проявления и в трагедии и в комедии. Автор, свободно владея материалом, присоединяет сюда и скалтый обзор прочих жанров античной литературы как греческой, так и римской, достижения которой могут быть сведены прежде всего к «познавательным качествам» (стр. 126). Повсюду он находит проявления «человеческой жажды знаний», что относится не в последнюю очередь к философии.

Основываясь на всем этом, Р. Шотлендер и предпринимает попытку дать новое определение классического. При этом он хочет заменить этические и эстетические категории категориями теории познания, «точнее, пониманием человека как субъекта и объекта познания» (стр. 127). Автор уточняет и развивает свою концепцию: «но как познанный человек — поскольку на нем основываются и эстетическая ценность поэзии, и ценность отразившейся в писаниях историков истины, и нравственная ценность философии, и политическая ценность ораторского искусства, — так и познающий человек, который в процессе беспримерно возвышенной самоотдачи осознал самого себя, — оба они дают достаточное основание, чтобы говорить о „классичности“ греко-римской древности» (там же). И именно человек в качестве субъекта и объекта познания оправдывает понимание филологических штудий как «классических». В чем полагает Р. Шотлендер смысл классической филологии, видно из следующего утверждения: «Классическая филология нужна нам не просто для самосовершенствования, но скорее для того, чтобы мы обрели более сознательное отношение к познанию, стали более способными к нему» (стр. 127 сл.).

Здесь автор одновременно получает возможность подойти и к новому определению гуманистического. Он предлагает в соответствии со своим пониманием классического «понятие гуманизма, которое включает в себя познание человечества и познающее человечество» (стр. 128).

Тезисы Р. Шотлендера, несомненно, вносят ценный вклад в выяснение проблематики классического. Представляется, однако, спорным успех этой концепции, оперирующей чисто гносеологическими понятиями, тем более, что она оставляет почти без внимания общественное hic et nunc. Во всяком случае, познавательные ценные аспекты этого нового взгляда создают основу для плодотворной дискуссии. Можно ожи-

дать, что теория, заменяющая доныне привычные этические, эстетические и не в последнюю очередь исторические категории категорий гносеологической, «точнее, пониманием человека как субъекта и объекта познания», вызовет научные прения.

После того как одна из дальнейших статей познакомила читателей «Das Altertum» прежде всего с первоначальным значением слова «филология»⁸, последовал отклик на новое определение классического, который вылился в спор о классической филологии и современности. В ответ на высказывания Р. Шотлендера Роберт Фалюш (Будапешт) написал статью, озаглавленную «Для чего нужно изучать классическую филологию?»⁹.

Венгерский ученый оказался наиболее подходящим партнером для дискуссии, поскольку он уже имел случай высказать свои соображения «К вопросу об определении классической филологии»¹⁰. То, что в этой статье, напечатанной в «Acta antiqua», касается определений, столь тесно соприкасается с разбираемой темой, что не может быть здесь обойдено. Прежде всего следует отметить, что Р. Фалюш отграничивает область марксистской науки о древности: она охватывает все дисциплины, «которые — отвлекаясь от конкретных особенностей памятников — разрабатывают историю материальной и духовной жизни греко-римской античности» («Acta antiqua», 10, стр. 111). И если каждая специальная дисциплина имеет собственную сферу приложения и собственную методiku, то все же самостоятельность отдельных отраслей может считаться не абсолютной, но лишь относительной.

Кроме того, представляется полезным привести здесь предложенное Р. Фалюшем (в «Acta antiqua», 10, стр. 112 сл.) определение классической филологии: «Это наука, которая открывает письменные памятники греко-римской древности, критически проверяет подлинность и устанавливает первоначальный смысл текстов, — тем самым она доставляет материал для оценки античности с самых различных точек зрения, т. е. с точки зрения языкознания, истории экономики, истории литературы, истории религии и так далее, т. е. в конечном счете — для всеобщего исследования древности». Автор никоим образом не хочет фетишизировать свое определение, тем более, что «выбор целей и правильной методики» представляется ему «гораздо более важным, чем умозрительные опре-

деления понятий» (там же, 10, стр. 113). Тем не менее нельзя сомневаться, что приведенное определение существенно для самопонимания марксистской науки.

С обретенных в статье для «Acta antiqua» позиций включается Р. Фалюш в дискуссию о филологии на страницах «Das Altertum». Хотя в некоторых вопросах Р. Фалюш и согласен с Р. Шотлендером, но взгляд его на проблематику иной, как это можно понять из вышеприведенных prolegomena. Р. Фалюш предпосылает своему изложению замечание, что «право на существование» филологии и «цель занятий античной культурой не могут быть рассмотрены в ходе чисто умозрительного анализа. Такой анализ должен быть связан с тщательным рассмотрением культурных запросов» («Das Altertum», 11, стр. 239), в ходе которого следует уделить внимание целям и задачам социалистической культурной революции.

Конечный косвенный вывод из статьи Р. Шотлендера — вывод, согласно которому классичность (как автор ее понимает) греко-римской литературы дает нам право рассматривать как «классическую» и относящуюся к этой литературе филологию (против чего Р. Фалюш небезосновательно возражает), заставляет задать важный методологический вопрос: разве не допускает классическая филология возможностей заниматься ею на разных манер? Она может закостенеть в традиционной условности, но она может и быть оплодотворена современными методами, которые уже предложены Брониславом Билиньским в опубликованных на страницах «Das Altertum» «Мыслях об обновлении классической филологии»¹¹.

Но не только вопросу о методах следует придавать большое значение; сверх этого нужно учитывать и общий процесс культурного развития. В социалистических странах — в том числе, конечно, и в Венгрии — действует заметное стремление сделать культурное наследие античности доступным и для тех, для кого в прежних социальных условиях сокровищница греко-римской культуры оставалась закрытой. В деятельности переводчиков, в театральные постановках сценических произведений, в публикаторской и лекционной работе ученых-антиковедов видит Р. Фалюш выражение нового Ренессанса, переживаемого сейчас живой и ныне античной литературой. Точно так же не следует забывать и об иных культурных запросах. Требования, которые сегодня предъявляются к социалистической — и вообще к современной — культуре, сильно изменились по сравнению с предшествующими десятилетиями. Поэтому и перед классической филологией возникает задача соблюсти соразмерность

⁸ H. K u s c h, Vom Namen der Philologie, «Das Altertum», 11, 1965, стр. 151—157.

⁹ R. F a l u s, Weshalb soll man klassische Philologie studieren, там же, стр. 239—243.

¹⁰ R. F a l u s, Zur Frage der Definition der klassischen Philologie, «Acta antiqua», 10, 1962, стр. 107—113.

¹¹ B. B i l i ŋ s k i, Gedanken zur Erneuerung der klassischen Philologie, «Das Altertum», 4, 1958, стр. 141—149.

с общим ходом культурного развития. В ходе осознания открывшихся возможностей предстоит установить место классического наследия в социалистической культуре.

Таким образом, Р. Фалюш отвергает в целом подход Р. Шотлендера к разработке античного наследия и высказывается, — не говоря здесь о прочем, — против гносеологической концепции классического. Р. Фалюш аргументирует следующим образом: «Искусство и литература по самой своей сущности отражают действительность в эстетических, а не каких-либо иных категориях; соответствие содержания действительности или искажение этого отражения находит выражение в специфических формах искусства, а отнюдь не в категориях научного отражения действительности» («Das Altertum», 11, 1965, стр. 241). С другой стороны, Р. Фалюш указывает на то, что рационалистическое понимание объективной реальности принадлежит к предпосылкам правдивого художественного изображения. Но в то же время он дает ясно понять, насколько художественная выразительность того или иного произведения искусства богаче, нежели «гносеологическая эрудиция» (там же) соответствующего художника или поэта. Как бы ни говорили в принципе сами за себя приведенные утверждения, тем не менее возникает вопрос, в какой же мере сопоставимы друг с другом употреблявшиеся участниками дискуссии термины, коль скоро даже образом мышления спорящие столь резко отличаются один от другого.

Хотя Р. Фалюш и отвергает шотлендеровскую концепцию классического, он все-таки признает ее частные аспекты, говоря, что «классические произведения помогают нам познавать действительность и самих себя» (там же). В то же время он так определяет понятие классического произведения искусства: «Произведение искусства является классическим, если поэт изображает какую-нибудь конкретную частную ситуацию действительности правдиво, разносторонне и наглядно, самостоятельно по интонации и совершенно по форме, когда он воздействует на чувство зрителя или слушателя и раскрывает для нас смысл, красоту и заботы человеческого бытия, полный для данных исторических условий расцвет человека» (там же, стр. 241 сл.). И, касаясь способа познания, Р. Фалюш продолжает: «Сущность каждого произведения искусства связана с эстетическим способом познания мира, и все другие истины подтверждаются исключительно через посредство этого рода отображения действительности» (там же, стр. 242 сл.). Таким образом, и в этом вопросе Р. Фалюш занимает позицию, противоположную той, на которой стоит Р. Шотлендер. Заканчивая обзор изложения Р. Фалюша, следует лишь еще сказать,

в чем он видит задачу классической филологии: она обязана обогащать социалистическую культуру, расширяя наши знания о древности. При этом нужно всесторонне оценивать материал и работать «все более тонкими методами». Кроме того, требуется действенная популяризация, которая знакомила бы непосвященных с античной литературой и преподносила бы им в соответствующей форме результаты научного исследования.

Р. Фалюш не имел намерения развить обобщающую теорию, противоположную концепции Р. Шотлендера. В его цели входило только, основываясь на диалектическом и историческом материализме, занять определенную позицию по отношению к различным моментам, подающим повод к дискуссии.

В критический разбор статьи Р. Шотлендера входит и Вальтер Хофман (Лейпциг). Его статья «Классическая древность и наше настоящее»¹² написана в согласии с запросами дня, причем выдвинутые в этой связи аргументы Р. Фалюша находят в ней поддержку. Точно так же и с Р. Шотлендером В. Хофман соглашается в отдельных вопросах. Однако основное положение Р. Шотлендера представляется В. Хофману односторонним, «потому что оно ставит на обсуждение лишь единственный признак и не касается взаимоотношений классических штудий и общества» (стр. 128). При разборе вопроса о смысле и ценности классической филологии акцент, согласно В. Хофману, следует ставить отнюдь не на новом определении классического, напротив того, на первый план должен выдвигаться вопрос, в какой мере различные элементы античной культуры должны быть приняты в культурный фонд нового общества. Исходя из различных оснований, автор разъясняет, почему классическое наследие имеет право претендовать на важное место во всей сфере культуры: оно и сегодня способно наставлять нас и доставлять эстетическое наслаждение, далее, оно по традиции составляет неотъемлемую часть находящегося в нашем распоряжении культурного наследия; не последнюю роль играет и то, что оно раскрывает для нас важную эпоху общественного развития и таким обра-

¹² W. Hofmann, Das klassische Altertum und unsere Gegenwart, «Das Altertum», 12, 1966, стр. 125—128. Ср. также J. Schneider, Die Antike und wir Einige Gedanken zu einem immer aktuellen Problem, «Spektrum», Mitteilungsblatt für die Mitarbeiter der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 12, 1966, стр. 169—171; J. Irmscher, 10 Jahre Institut für griechisch-römische Altertumskunde. Rede auf der Festsitzung am 29. November 1965 im Karl-Marx-Saal der Deutschen Staatsbibliothek in Berlin, там же, стр. 3—41.

зом «со своей стороны способствует пониманию настоящего и осознанию задач будущего» (стр. 127).

В. Хофман с полным правом кладет в основу своих рассуждений о классической древности и нашей современности понятие всеохватывающей науки о классической древности. Но почему же «культура классической древности должна занимать преимущественное положение сравнительно с другими культурами древности» — на этот вопрос мы в разъяснениях В. Хофмана едва ли найдем прямой ответ. В этой связи представляется уместным вспомнить о статьях журнала «Das Altertum», посвященных вопросу о единстве древнего мира¹³, которые в какой-то мере предвосхитили дискуссию о филологии.

В ходе дебатов о филологии не остался без внимания и феномен гуманизма. В этой связи следует назвать статью Уго Пьячентини и Бото Виле (Берлин), озаглавленную словами Энгельса «Без античного рабства не было бы совре-

¹³ S. M o r e n z, Die Einheit der Altertumswissenschaften. Gedanken und Sorgen zum 100. Geburtstag Eduard Meyers, «Das Altertum», 1, 1955, стр. 195—205; E. Ch. W e l s k o p f, Die Einheit der Weltgeschichte im Altertum, там же, 4, 1958, стр. 3—6.

менного социализма»¹⁴, где за исходный пункт взята римская «humanitas»¹⁵. Статья представляет собой отклик на доклад «Происхождение и сущность принципа гуманизма в античности», прочитанный в Германской Академии художеств профессором Вернером Хартке, президентом Германской Академии наук в Берлине. В итоге своих выводов авторы видят в римской «humanitas» «прогрессивное начало, служащее новому обретению и сохранению человеческого в человеке...: формированию нового социалистического Прометея» (стр. 238).

Итак, здесь изложены в основных чертах дебаты о филологии на страницах журнала «Das Altertum». Редакция будет приветствовать дальнейшие поступления, связанные с этой тематикой, которые позволят подойти ближе к решению существенных проблем.

Хейнрих Кух

¹⁴ U. P i a c e n t i n i, B. W i e l e, «Ohne antike Sklaverei kein modernen Sozialismus» (Engels), там же, 11, 1965, стр. 235—238.

¹⁵ Ср. также К. В ü c h n e r, Humanum und humanitas in der römischen Welt, Vom Bildungswert des lateinischen, Wiesbaden, 1965 («Studien zur römischen Literatur», 5), стр. 47—65; 156 сл.

J. V O G T, *Sklaverei und Humanität. Studien zur antiken Sklaverei und ihrer Erforschung*, Wiesbaden, 1965, 129 стр.

Автор рецензируемой книги — профессор Тюбингенского университета и руководитель секции древней истории в Майнцской Академии наук и литературы — стал инициатором возобновления работ по изучению античного рабства в западноевропейской литературе. Под его руководством в трудах указанной академии появилось с 1953 по 1965 г. девять монографий, посвященных различным аспектам античного рабства. Взятые в целом труды майнцской серии¹,

¹ J. V o g t, *Sklaverei und Humanität im klassischen Griechenland*, Wiesbaden, 1953; он же, *Struktur der Sklavenkriege*, 1957; G. M i c k n a t, *Studien zur Kriegsgefangenschaft und Sklaverei in der griechischen Geschichte*, Erster Teil: Homer, 1954; S. L a u f f e r, *Die Bergwerksklaven von Laureion*, I. Teil: Arbeits- und Betriebsverhältnisse, Rechtsstellung, 1955; 2. Teil: Gesellschaftliche Verhältnisse, Aufstände, 1955; F. B ö m e r, *Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom*, 1. Teil: Die wichtigsten Kulte und Religionen in Rom und im lateinischen Wes-

принадлежащие перу ее инициатора, Г. Микнат, С. Лауффера, Ф. Бёмера, П. П. Шпрангера, Г. Фолькмана, Ф. Гшнитцера и Г. У. Инстинского, несомненно представляют собой наиболее важный вклад в современную зарубежную историографию античного рабства².

ten, 1957; 2. Teil: Die sogenannte sakrale Freilassung in Griechenland und die (δοῦλοι) ἱεροί, 1960; 3. Teil: Die wichtigsten Kulte der griechischen Welt, 1961; 4. Teil: Epilegomena, 1963; P. P. S p r a n g e r, *Historische Untersuchungen zu den Sklavenfiguren des Plautus und Terenz*, 1960; H. V o l k m a n n, *Die Massenversklavungen der Einwohner oberer Städte in der hellenistisch-römischen Zeit*, 1961; F. G s c h n i t z e r, *Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei*. I. Grunzüge des vorhellenistischen Sprachgebrauchs, 1963; H. U. I n s t i n s k y, *Marcus Aurelius Prosenes — Freigelassener und Christ am Kaiserhof*, 1964.

² Книги майнцской серии неоднократно рецензировались в нашей литературе: Микнат — Я. А. Л е н ц м а н, ВДИ,